

«...КАКОЕ ДЕЛО МНЕ ДО РАДОСТЕЙ И БЕД ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ?»

(Печорин как коммуникатор)

К. И. ШАРАФАДИНА

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

В статье рассматриваются жанровые формы дневника, исповеди и др. в известном романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в неисследованном ранее аспекте внутренней речи, рефлексии разворачивающегося сознания и самопознания героя. Приводится система заданий для понимания в практической работе сюжетной основы романа.

Ключевые слова: Печорин, «Тамань», «Княжна Мери», библейские стихи, универсальные образы культуры, смысловые функции.

Самосознание Печорина, его рефлексия изучены в лермонтоведении достаточно основательно, но рассматриваются чаще всего функционально как одна из характеристик героя, связанная с особыми, более или менее очевидными жанровыми формами: дневник, исповедь и т. п. Именно в этом аспекте исследовались различные формы внутренней речи лермонтовского героя [См. об этом: 3: 33-44; 6: 10, 81, 83, 149-151; 7].

Практически неисследованным остается сам механизм рефлексии, разворачивающегося сознания и самопознания героя. Обращение к повести «Тамань» вызвано тем, что эта часть романа представляет собой ретроспективно изложенный эпизод. Следовательно, в отличие от «Княжны Мери» с её доминирующей стихией дневниковости, «Тамань» позволяет судить о рефлексии героя в её принципиальных моментах, условно говоря, в материале, отобранном сознанием героя и временем.

Наиболее явно механизмы рефлексии обнаруживают себя в том случае, когда её объектом становятся универсальные образы культуры, искусства, литературы. Они сами являются опредмеченными, объективированными результатами рефлексии культуры. Такие образы условно назовем «образами-контекстами», так как они служат особым способом включения в художественный текст универсального культурного пространства.

В тексте «образы-контексты» заявлены в виде цитат, прямых и открытых, аллюзий, реминисценций. Это те «нервные узлы, прикосновение к которым мгновенно вызывает ряды определенных значений» [1: 43].

Цитатно-аллюзийный фонд «Тамани» – особый материал для исследования в избранном аспекте. Совершенно уникальную смысловую функцию в контексте «Тамани» обнаруживает библейская цитата – как культурная

универсалия, высвечивающая героико-трагические грани сознания романного героя.

Строки из Библии (Ветхий Завет) «в тот день немые возопиют и слепые прозрят» – это вольно процитированное место из «Книги пророка Исайи», одного из самых авторитетных ветхозаветных пророков, точнее, своеобразная контаминация нескольких библейских стихов¹. Они приходят на память герою, впервые выследившему слепого мальчика: «В тот день немые возопиют и слепые прозрят, – подумал я, следуя за ним в таком расстоянии, чтоб не терять его из виду».

Все известные нам комментарии² сводятся лишь к указанию на возможные источники цитаты.

Комментаторы указывают как источники цитаты Ис. 29, 18 и Ис. 35, 5–6. Большинство из них отмечают её неточность и меру неточности: «изменённая», «пересказанная по-своему». И лишь в комментарии В. Л. Мануйлова отмечено, что субъект цитирования – сам герой. Следовательно, вольность цитирования принадлежит Печорину, т. е. характер «присвоения» цитаты сознанием героя может быть проявлением свойств этого сознания.

Комментаторы единодушны в оценке однозначной функциональности данной цитаты и шире – цитирования: цитата «пришла на память» Печорину как поговорка. Но, как отмечает И. Б. Роднянская, библейские цитаты или аллюзии, которыми автор пользуется просто как поговорками, у Лермонтова немногочисленны. «В большинстве случаев Лермонтов глубоко проникает в дух названных источников и напряженно переосмысливает те или иные эпизоды» [5: 58]. Это наблюдение заставляет более внимательно проанализировать характер переосмысления цитаты героем, тем более что и рефлексия, которой автор наделяет Печорина, носит не репродуктивный, а творческий характер, она – высшая реальность перерабатывающего мир сознания.

Очевидно, что библейская цитата может расцениваться как прозвучавший в устах героя несбывшийся прогноз сюжета. Жизнь «честных контрабандистов» потревожена, но ни она не «преобразила» Печорина, ни он не

¹ Ср.: «В тот день глухие услышат слова книги, и прозрят из тьмы и мрака глаза слепых» (Ис. 29, 18); «Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немного будет петь; ибо пробьются воды в пустыне и в степи потоки» (Ис. 35, 5–6).

² Примечание Б. М. Эйхенбаума: «измененная цитата из Библии Книга пр. Ис. 29, 18». // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.; Л.: 1962. С. 654. Комментарий И. С. Чистовой: «измененная цитата из Библии: Ис. 29, 18». // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Л., 1981. С. 462. Комментарий Г. П. Макогоненко: «пересказанная по-своему цитата из Библии: Ис. 29, 18. – Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1986. С. 164. Комментарий В. Л. Мануйлова: «Печорину пришли на память библейские тексты, вероятно, из книги пророка Исайи: 29, 18; 35, 5–6 // Мануйлов В. Л. «Герой нашего времени»: Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1975. С. 152–153.

«преобразил» её. Во-вторых, проецируясь на характер Печорина, цитата обнаруживает уровень притязаний героя: «Он придёт и спасёт вас. Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся <...> и язык немого будет петь» (Ис. 35, 4–6). Сравним: «А верно было мне предназначение высокое».

Движение текста к цитате, её своеобразная экспозиция позволяет проследить и «движение» сознания героя. «Тамань» начинается известной фразой: «Тамань – самый скверный городишко из всех приморских городов России» [2: 4. 225]. Её продолжением вполне могут быть слова: «богом забытый, богом оставленный городишко». Не случайно далее следует фраза, представляющая собой принадлежащую герою сниженную версию фавулы: «Я там чуть-чуть не умер с голоду, да ещё вдобавок меня хотели утопить» (IV, 225).

Городок Тамань при всей его неказистости, подчеркнуто обытовленном облике (грязные переулки, ветхие заборы, единственный каменный дом при въезде) живет особой тайной жизнью, о которой Печорин пока что не подозревает. Он является сюда как персонаж иной действительности, официального, «казенного» мира, строго регламентированного, предельно несвободного. Поначалу Печорин пользуется языком мира «казённой надобности», к которому принадлежит как офицер, отправляющийся к месту военных действий: «Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд по казённой надобности, и стал требовать казённую квартиру». (Здесь и далее в цитируемом тексте романа разрядка наша – К. Ш.). Упоминание о «казённой надобности» не срывает: в городишке нет места герою («все избы» были заняты), и тогда Печорин (что вполне психологически оправдано: «три ночи не спал, измучился и начинал сердиться») вынужден перейти на язык бытовой необходимости: «Веди меня к месту, разбойник! хоть к черту, только к месту! – закричал я» (IV, 226). Восклицание «хоть к черту!» звучит в этой фразе как обычная раздражительно-бранная словесная формула, но она возымела неожиданное действие – десятник предлагает «фатеру», предупредив, что «там нечисто». Замечание Печорина о том, что он «не понял точного значения последнего слова» (IV, 226), но то же слово может быть интерпретировано как намёк на присутствие нечистой силы, – своеобразный аргумент к тому, что «язык» этой действительности далек от героя. («Нечисто» – может быть «грязно, неопрятно»). Последующие события заставляют Печорина «всматриваться», «вслушиваться» в забрезживший перед ним мир тайны, беззаконно-вольной жизни, оваянной особой поэзией, мир иных ценностных измерений: «Полный месяц светил на камышовую крышу <...> берег обрывом спускался к морю <...> луна тихо смотрела на беспокойную <...> стихию, и

я мог различить при свете её <...> два корабля <...> Стучу – молчат <...> что это? <...> Дверь сама отворилась <...> я начал рассматривать черты его лица <...> итак, я начал рассматривать лицо слепого <...> и в голове моей родилось подозрение» (IV, 226). В убранстве хаты, в которую наконец попадает Печорин, его внимание обращает, кроме скудной обстановки («две лавки и стол, да огромный сундук возле печи составляли всю её мебель...») (IV, 227), отсутствие икон: «На стене ни одного образа – дурной знак!» (V, 227).

Сознание героя стеснено предубеждением. Его реакция, открывшаяся ему на мир, лишённый определённости определённости, с отсутствием привычной обрядности, с иным – непривычным – ценностным строем раскрепощает, подталкивает его действие. В этой раскрывающейся перспективе Печорин отводит себе особую позицию – провиденциальную, демиургическую. Поэтому, казалось бы, случайно возникающая в его сознании библейская цитата и встающий за ней и вместе с ней контекст далеко не случаен. Она таит в себе очень важные для понимания природы и характера сознания героя аллюзии. Так, в главе 34 Книги пророка Исаии речь идет о гневе Господа, обрушенном на Едом («Ибо день мщения у Господа, год возмездия за Сион»): «И превратятся реки его в смолу, и прах его – в серу, и будет земля его горящею смолою: <...> будет от рода в род <земля> оставаться опустелюю: во веки веков никто не пройдет по ней; <...> и зарастут дворцы её колючими растениями». В обрядовом укладе Тамани нет важного атрибута христианского мира – Божьего образа, зато присутствуют, пусть на обывательском уровне, намёки на «нечистую силу».

По наблюдению А.З. Попова, Лермонтов посетил реальную Тамань в сентябре 1837 года, после стихийного бедствия, обрушившегося на город в 1834 году. Оно и послужило главной причиной запустения Тамани, следы которого видны в её художественном «двойнике». По свидетельству кавказоведа М. Селезнёва, «чудовищной силы вихрь налетел на песчаную ложину и, разворачивая её, постепенно раскидал песок подобно вулканическому извержению, засыпав зелёную равнину, пахоты, сады, дома жителей, развалины [турецкой крепости]»³. Размах и характер природной стихии невольно аналогичны библейскому источнику. Можно считать и это отнюдь не случайным совпадением. Напомним, что и вся фабульная ситуация «Тамани», как утверждают биографы писателя, была «испытана» им на собственном опыте.

³ Руководство к познанию Кавказа. Кн. 2. СПб., 1847. Цит. по: Мануйлов В. А. «Герой нашего времени». Комментарий. С. 150.

Первое «прорастание» библейской цитаты в художественную перспективу повести – это аллюзия в «скверном городишке Тамани» библейского Едома, преданного закланию. Библейское возмездие за Сион было неотвратимым, так как «и сам Он бросил им жребий, и Его рука разделила им её мерою», и «одно другим не заменится» (Ис. 34, 17).

Продолжая поиск аналогий, можно предположить, что должна быть логичной и возможная аллюзия с библейским Сионом, противостоявшим закланному Едому как синоним возрожденного и возрождающегося велением Господним пространства: «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая, и расцветёт как нарцисс <...> И превратится призрак вод в озере, и жаждущая земля – в источник вод» (Ис. 35, 1; 7). Такую аллюзию можно увидеть в построении художественного пространства повести, помимо пространства города, замкнутого, бесперспективного («после долгого странствования по грязным переулкам, где по сторонам я видел одни только ветхие заборы» (IV, 226), герою открывается и иное – разомкнутая в безбрежной перспективе морская стихия. Она начинает неодолимо манить героя, притягивать его как наваждение, размыкая его сознание, раскрепощая его душевные ресурсы для творческого восприятия гармонии, подталкивая его к действию. Печорину предстоит сделать выбор между гармонией и дисгармонией как между реальностью и возможностью своего сознания, противостоящих друг другу, как библейские *Едом* и *Сион*.

«Хата», «лачужка», в которой «нечисто», стоит на границе двух пространственных миров: «Мы подъехали к небольшой хате, на самом берегу моря. Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе <...> стояла избочась другая лачужка, менее древнее первой. Берег, обрывом спускался к морю почти у самых стен её, и внизу с непрерывным ропотом плескались темно-синие волны" (IV, 226). В стиле «Журнала Печорина», в анализе его «нервных узлов» (стиль в данном случае мы понимаем как отражение самого процесса художественного мышления) может быть увиден и сам образ сознания героя в его антиномичности.

Продолжим начатую цитату, в которой через сознание героя разворачивается пространственный образ творящей себя стихии. «Берег обрывом спускался к морю <...> и внизу с непрерывным ропотом плескались темно-синие волны. Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию, и я мог различить при свете её, далеко от берега, два корабля, которых черные снасти, подобно паутине, рисовались на бледной черте небосклона» (IV, 226). Эта первая пейзажная зарисовка, принадлежащая Печорину,

дышит неизъяснимой прелестью природного естества. В этом ландшафте явственен особый эффект, своеобразная позиция сознания героя: здесь все уже как бы художественно завершено. Печорину остается лишь талантливо увидеть и пережить то, что уже самодостаточно в своем природном совершенстве. Напрашивается аналогия с живописным изображением, организованным системой перспектив: снизу – вверх – глубь (вдаль). Зритель находится вне «рамы» картины и созерцательно-отстраненно фиксирует впечатления. Его сознание, впитывая эти впечатления, раскрепощено в своей высокой возможности открывшейся реальностью, и готово отдаться ей целиком.

Но последняя фраза описания переводит бескорыстное, упоительное созерцание в сугубо практическое русло: «Суда в пристани есть, – подумал я – завтра отправлюсь в Геленджик» (IV, 226). «Казенная надобность» вытеснила из сознания героя язык поэзии, причем этот переход настолько резок, что финальная фраза с её подчеркнуто бытовым, корыстным преломлением виденного и пережитого определенно профанирует весь предыдущий контекст.

В. М. Маркович пишет о таком же композиционно-стилевом механизме лирического зачина «Княжны Мэри», только поданном в еще более сгущенном виде: возникшее метафизическое настроение героя резко оборвано, кощунственно снижено корыстным «итогом» [4: 35]: «Весело жить в такой земле <...> Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка <...> чего бы, кажется, больше? <...> Однако пора. Пойду к Елизаветинскому источнику: там, говорят, утром собирается все водяное общество ...» (IV, 236).

Таким же образом введена в сознание Печорина и библейская цитата: «В тот день немые возопиют и слепые прозрят, – подумал я, следуя за ним в таком расстоянии, чтоб не терять его из виду». Универсальный сверхсмысл библейского контекста: чудо Преображения как награда за следование правде и истине веры, заставляющее «глухих» услышать, «слепых» прозреть, «немых» заговорить, – может быть расценен как аллюзия скрытых, таимых сознанием и личностью героя высоких субстанциональных сущностных возможностей преобразования себя и мира вокруг себя. Об этом герой не только догадывается, но стремится их обнаружить, обнажить в себе нравственно-психологическим экспериментированием.

Об уровне притязаний героя – провиденциальных и даже демиургических – свидетельствует и то, что, цитируя источник, Печорин как бы присваивает себе авторство, а значит, и весь контекст: не «вспомнил» или «пришло на ум», а именно «подумал».

И в то же самое время открывшаяся в библейском контексте универсальная «стратегическая» перспектива тут же иронически отстраняется замечанием, носящим конкретный, «тактический» характер: «подумал я, следуя за ним <...>, чтоб не терять его из виду».

Приведем еще один пример из текста «Тамани», подтверждающий последний вывод. Эта фраза следует композиционно после библейской цитаты, но до рефлексии, направленной на собственно литературные (романтические) образы-контексты. «Полюбовавшись несколько времени из окна на голубое небо, усеянное разорванными облачками, на дальний берег Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесом, на вершине которого белеется маячная башня, я отправился в крепость Фанагорию, чтоб узнать от коменданта о часе моего отъезда в Геленджик» (IV, 229). В пределах одной фразы (эквивалент единицы мышления) совмещены два «сюжета» сознания героя, его поэзия и проза, романтическая приподнятость и реалистическая трезвость, и второй план явно поглощает первый, обрамляет и в конце концов вытесняет его.

Сознание Печорина не статично, оно находится в постоянном само-осуществлении, в динамике. Более того, «Герой нашего времени» формирует сюжет сознания Печорина, сознания загадочного и трагического в своих перспективах.

Если в начале «Тамани» раскрывающийся механизм сознания Печорина соединял две равноправных возможности в их противоречивом единстве (трезвая рассудочность, практицизм парадоксально соединялись с романтически возвышенным видением), то по мере разворачивания сюжета в сознании героя (повествование «Тамани» организовано именно этим сюжетом) происходит постепенное вытеснение высокой, идеальной возможности сознания и, следовательно, возможности самопостроения в соответствии с высоким идеалом.

Сюжетная схема «Тамани» обнаруживает трагическую перспективу сознания героя. Обычно трагическое содержание подчёркивается в связи с «Бэлой» или «Княжной Мери», теми повестями, в которых по вине Печорина гибнут персонажи, но не менее трагично и художественное содержание «Тамани», преломленное в отношении к самому герою. Уже в «Тамани» сознание Печорина обнаруживает свою героико-трагическую перспективу.

Как один из возможных выходов Печорину в «Тамани» видится испытание себя в роли Демиурга, хотя и несколько иронически остраненное его сознанием. Он и как будто готов к негативному итогу, и в то же время рад бы и обмануться. Но этот мир, мир *Тамани* = *Едома*, как оказалось, в

Преображении не нуждается: «слепые» (слепой мальчик не так уж и слеп), да и «глухие» (старуха-хозяйка) не глухи. «Сион» не состоялся. Но не только потому, что нет правды (Бога) в этом мире. Бога нет и в самом герое, и его претензия на одну из Господних прерогатив несостоятельна. Так герой неумолимо идет к трагической безысходности своего существования.

ЗАДАНИЯ:

1. Какие коммуникативные роли избирает для себя Печорин, оказавшись в Тамани?
2. Почему попытки его коммуникации с миром Тамани безуспешны?
3. С кем из героев повести «Тамань» вы могли бы наладить успешную коммуникацию, а с кем нет?

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. –Л., 1974.
2. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4: Проза. Письма. –Л., 1981.
3. Мануйлов В. Л. «Герой нашего времени»: Комментарий: Пособие для учителя. –Л., 1975.
4. Маркович В. М.И. С. Тургенев и русский реалистический роман (30–50-е гг.).
5. Роднянская И. Б. Библиейские мотивы // Лермонтовская энциклопедия. –М., 1981.
6. Турбин В. Е. Пушкин. Гоголь. Лермонтов: об изучении литературных жанров. –М., 1978.
7. Удодов Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». –М., 1989.

“...WHAT BUSINESS ME TO JOY AND MISERY OF MAN?” (PECHORIN AS A COMMUNICATOR)

K.I. Sharafadina

St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

The article deals with genre forms diary, confession, etc., In a novel, MY Lermontov "Hero of Our Time" in a previously unexplored aspect of inner speech, reflection of the unfolding of consciousness and self-knowledge of the hero. Drive reference framework for understanding in the practical work of the plot of the novel bases.

Key words: Pechorin, "Taman", "Princess Mary" Bible verses, universal culture of images,